

ФОРМИРОВАНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ “РУССКОГО ИЗРАИЛЯ” В ЗЕРКАЛЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Владимир (Зеэв) ХАНИН

Бар-Иланский университет (Израиль)

zeevkh@gmail.com

В последние два десятилетия Израиль принял одну из самых значительных групп иммигрантов в своей истории – “большую алию” из СССР и постсоветских стран. По официальным данным, в период с 1989 по 2010 гг. в Израиль оттуда прибыло более 1,004,000 евреев и членов их семей¹. С учетом естественного движения населения – рождаемости (около 170,000) и смертности (примерно 120,000), а также эмиграции из страны (более 90,000) – “русскоязычная” община Израиля сегодня составляет порядка 950,000 человек.

Эта крупнейшая после коренных израильтян суб-этническая община не была и все еще не является единым блоком ни в социально-политическом, ни в этнокультурном, ни экономическом смысле. Помимо “естественных” различий, таких как пол, возраст, образование, род занятий, уровень доходов, время, прошедшее после репатриации, происхождение из того или иного региона бывшего СССР, ее разделяют этнокультурные и культурно-идеологические противоречия – как привезенные из стран исхода, так и адаптированные “на месте”. Так, в среде выходцев из СССР и СНГ присутствуют все идейные течения, касающиеся желаемого облика Израильской государственности: классические сионисты, неосионисты и постсионисты². По ряду мнений, подобное размежевание зачастую является внешним проявлением модели интеграции русскоязычных репатриантов в Израиле – от радикальной аккультурации в израильской еврейской среде и

“интеграции без аккультурации” до умеренной или радикальной изоляции от местного общества, что вполне сказывается на поведении в сфере культуры, экономики и политических отношений³. А эти модели, в свою очередь, имеют очевидную корреляцию с выделенными нами и другими исследователями типами идентичности в рамках “расширенной еврейской популяции” СНГ. А именно: еврейско-универсалистским (национальным), субэтническим (“русско”-, или “украино”- и т. д. еврейским), дуальным (еврейским и нееврейским) и собственно нееврейским (носители которого при этом осознают свою связь с еврейским сообществом, например, в силу самой возможности приехать в Израиль по Закону о возвращении).

К проблеме “Little Russia”

Очевидно, что этот потенциал рано или поздно должен был реализоваться в неких материальных общинных рамках, формирование которых происходит в стране с начала в 90-х гг. XX в. Однозначного ответа на вопрос, соответствует ли общность “русских евреев в Израиле” классическим структурным общинным признакам, пока нет, но и те исследователи, которые отвечают на него утвердительно, все же подчеркивают специфический характер местного “русского сообщества”.

Представителями последней точки зрения являются, например, Э. Лешем и М. Лиссак. По их мнению, “русские” израильтяне близки к большинству “русско-еврейских” общин в странах Запада – таких, как “русская” община США. Основываясь на классическом исследовании Фрэн Марковиц⁴, эти аналитики характеризуют такой тип общин как “систему высокоинтенсивных неформальных отношений, которые выполняют функцию системы индивидуальной или семейной поддержки, сохраняют язык и культуру общины, из которой происходят эти иммигранты, и обозначают грани этой общины по отношению к внешней среде”⁵.

Подчеркивая наличие тех же черт и у “русской” общины в Израиле, недавно ушедшая из жизни известная публицист и писательница Майя Каганская в свое время определяла ее как своего рода квазиобщину, отделенную от остального общества “неким ментально-культурным комплексом”⁶. Другой исследователь “русского” Израиля Элизер

(Альберт) Фельдман предпочитает называть формирующееся сообщество выходцев из СССР/СНГ “культурно-поведенческой автономией русскоязычных израильтян”, которую он определяет как особый социум, вынужденно создающий в новой для себя социокультурной среде особые и отличные от коренного населения формы социальной и культурной жизни и свою изолированную среду общения⁷. Кроме того, ряд наблюдателей подчеркивает временный, ситуативный характер “русского” сообщества в Израиле и отмечает наличие у него таких характеристик, как “аморфная, относительно гомогенная структура и отсутствие определенных статусов, ролей и иерархии”⁸. Соответственно, исследователи приходят к противоположным выводам: часть, как Н. Зильберг, считает, что нынешняя ситуация является стадией на пути формирования “классической” общины, другие, как З. Кац, предсказывают ее исчезновение через одно или два поколения.⁹

Как бы то ни было, на сегодняшний день существование местной “русской” общины, в том или ином ее понимании, является фактом. Ее контуры образуют лидерские группы, представленные во всех сферах общественной, политической и экономической жизни страны; многочисленные институты, оказывающие специфические услуги и воспроизводящие структуры общинной идентификации, и, наконец, развернутая система формальных и неформальных связей и отношений.

Утверждение в общественном и политическом сознании израильтян идеи “многокультурности”, совпавшее с началом массовой иммиграции из СССР/СНГ, в немалой степени способствовало легитимации идентичности и институтов “русской” иммигрантской субкультуры⁹. Формирование этой субкультуры происходило с начала 90-х годов, и ее материальные измерения были неоднократно описаны исследователями¹⁰.

Важнейшим условием ее формирования была и остается концентрация существенной части новых репатриантов в сравнительно немногих израильских городах, таких как Ашдод, Ашкелон, Хайфа, Бат-Ям, Беэр-Шева, Нетания, Иерусалим, Тель-Авив и некоторые другие, где они представлены крупными по численности общинами (от 40 тысяч до более 60 тысяч человек). В ряде израильских городов русскоязычные репатрианты также представляют весьма заметную часть местного населения. Так, в 30 городах

они составляют более пятой части населения, включая 10 городов (Ашдод, Бат-Ям, Ашкелон, Нацрат-Илит, Кирьят-Ям, Арад, Маалот-Таршиха, Ариэль, Сдерот и Кацрин), где их доля в населении превышает треть, и два города (Ариэль и Нацрат-Илит), где доля русскоязычных граждан уже более 40%¹¹. Исследование, проведенное в 2008 г. компанией ASK по заказу Израильского центра местной власти, также показало, что примерно 80% репатриантов из СССР и СНГ последней волны многие годы продолжают жить более-менее в том же районе, где они поселились сразу же после приезда в Израиль. Показательно, что главным критерием первоначального выбора была (и часто остается) “близость к родственникам и друзьям”, причем подавляющее большинство из них утверждает, что и сегодня они удовлетворены своим выбором¹². Нетрудно сделать вывод о критической роли возникающих в этих местах общиннообразующих социальных сетей, ставших своего рода “социальным компенсатором” некоторых негативных сторон в целом оправдавшей себя политики “прямой абсорбции” алии¹³.

Естественным следствием этой ситуации был эффект “культурной самодостаточности” и создание в районах высокой концентрации новых репатриантов психологически комфортных условий для сохранения и воспроизводства привычных социальных, культурных, профессиональных и потребительских стандартов поведения. Закономерно, что, согласно исследованию, проведенному в 2006 г. Эли Лешемом по инициативе “Джойнт-Израэль”, и через 15 лет после начала “большой алии” русскоязычные репатрианты все еще предпочитали жить в “иммигрантских районах”. Эта тенденция была более заметна среди молодежи 18-29 лет (так ответили почти 90% представителей этой группы), чем среди лиц иных возрастных категорий (75%). При этом 90% молодых репатриантов сказали, что “хорошо” или “отлично” владеют ивритом, в то время как такой ответ дали только 40% представителей старших возрастов, а 90% опрошенных сообщили, что дома у них говорят по-русски¹⁴.

Еще одним проявлением той же культурной самодостаточности и эффективности воспроизводства внутриобщинных социальных сетей стал весьма показательный факт. Даже через 20 лет после начала “большой алии” из СССР, как показал проведенный в ноябре 2010 г. по заказу Девятого канала израильского ТВ опрос агентства “Мутагим”, только треть респондентов

отмечает, что среди их близких людей есть те, которые находятся в семейных отношениях не с выходцами из бывшего СССР¹⁵.

Другим измерением феномена «русско-еврейской» субкультуры в Израиле стало сохранение, в отличие от предыдущего периода, возможностей для широких связей со «страной исхода» – Россией и/или другими странами СНГ. Частью этого же феномена стала вовлеченность значительной части выходцев из бывшего Советского Союза в единое русское информационное пространство, в том числе и через израильский Интернет на русском языке, получивший широкое распространение в самые последние годы¹⁶. По результатам исследования, проведенного в 2005 г. компанией «Хекер Рейтинг-микхарей шук» (McCann Erickson Israel), русско-израильская аудитория Интернета выросла в два раза за предыдущие 2 года: 72% членов «русской общины» имеют домашний компьютер, а многие пользуются компьютером *и* на работе. Из общего числа таких компьютеров 81% подключены к Интернету. Весь трафик из Израиля делится на два широких потока. Первый – крупнейшие российские площадки (около 45%); оставшиеся 55% распределяются в основном между популярными порталами, новостными и развлекательными израильскими сайтами на русском языке¹⁷. При этом данное обстоятельство почти никак не связано со степенью психологической и языковой интегрированности в израильское общество.

Еще одним, едва ли не наиболее важным, аспектом «русско-еврейской» субкультуры стало сохранение русского языка как живого и легитимного средства внутриобщинной коммуникации и идентификации и формирование его «израильского варианта»¹⁸. Внешним проявлением этой тенденции была, например, «терпимость» ответственных за абсорбцию организаций по отношению к использованию русского языка в контактах с государственными инстанциями, в трудовых отношениях и средствах массовой информации¹⁹. Не менее важным было его введение (в качестве «третьего языка» наряду с арабским, языками еврейской диаспоры идиш и ладино и французским) в учебные планы общеобразовательных школ. В 2006 г. министерство просвещения продлило срок действия специальных льгот, положенных школьникам – новым репатриантам при сдаче экзаменов на аттестат зрелости с максимум 6 до 10 лет после приезда в страну. Оно

же предоставило школьникам-репатриантам право пользоваться русскими текстами и родным языком при сдаче экзаменов по Танаху, математике, физике, химии, компьютерам, истории, обществоведению и литературе.

По данным исследователя феномена русского языка в Израиле и идентичности его молодых носителей Марины Низник, занятия русским языком посещают порядка 10,000 учащихся средних и старших классов школ страны, причем 95% учеников были рождены в бывшем СССР или в русскоязычных семьях в самом Израиле. Время пребывания в стране у этих учеников колеблется от 0 (вновь прибывшие) до 17 лет. При этом исследователь подчеркивает, что степень владения русским языком у них различна, и для подавляющего большинства русский является уже не столько родным языком, сколько “языком их культурного наследия” (a heritage language)²⁰.

В эту же тенденцию укладывается и рост популярности среди молодых израильтян – выходцев из бывшего СССР – русскоязычного Девятого канала (“Израиль Плюс”) ТВ Израиля. Судя по статистике, которую этот канал распространил среди израильских рекламных агентств, его рейтинг у репатриантов вырос на 21% и в июле 2009 г. был выше, чем у наиболее популярных в стране 2-го и 10-го каналов ИТВ²¹. Доля постоянно и время от времени смотрящих “Израиль плюс” составила, соответственно, 51.7% и 26.2% респондентов, опрошенных в ноябре 2010 г. по заказу канала агентством “Мутагим”²². ❄

Стоит при этом заметить, что русский язык даже у взрослых репатриантов из бывшего СССР в Израиле, по мнению экспертов, уже существенного отличается от “русского языка россиян”²³. В этом смысле он является примером не столько “русского универсализма”, сколько внешним признаком отмеченного исследователями феномена “интеграции без аккультурации” в местное израильское общество. В качестве примера можно привести созданный выходцами из бывшего СССР в Израиле в конце 90-х гг. театр Comedy Israel. Именно на таком “израильском русском языке” они ставят спектакли для детей и взрослых, снимают фильмы и проводят культурные мероприятия. По словам художественного руководителя театра Семена Ронкина, “тот культурный багаж, с которым мы приехали 20 лет назад, мы довольно-таки крепко храним. В России же язык меняется, и меняется не в лучшую сторону, но об этом уже не нам судить”²⁴.

Особую роль в развитии «русско-еврейской субкультуры» в Израиле и формировании связанной с ней модели русско-израильской идентичности играют различного рода общинные символы, признание или непризнание которых служит важным фактором самоидентификации «русских» израильтян. Немалая часть этих символов, по мнению ряда исследователей, закономерно носит откровенно мифологический характер. К их числу, например, Элизер Фельдман причисляет представления о «самобытности и особой исторической миссии русских евреев», «превосходстве русской (или русско-еврейской) культуры над израильской» и другие подобные мифы, по определению автора, «секторального снобизма»²⁵. Свою роль в этом играют и негативные, и позитивные вымыслы, которые продуцируются в отношении новых репатриантов окружающей средой и часто влияют на поведенческие стереотипы и самооценку выходцев из СССР/СНГ²⁶. Не вызывает сомнения, однако, что символический набор «русскоязычного сообщества» репатриантов отнюдь не ограничивается позитивной или негативной мифологией. Намного большую структурообразующую нагрузку несут реальные позитивные символы. Их, на наш взгляд, можно объединить в несколько категорий.

Первую из них образуют социально-экономические символы, важнейшее место среди которых занимает роль репатриантов в развитии израильского хай-тека. По многочисленным оценкам, именно выход в 90-е годы на потребительский рынок многочисленных наукоемких разработок израильской военной промышленности (концернов «РАФАЭЛ», «Таасия Цваит», «Таасия авирит» и т. д.) и прибытие в страну десятков тысяч высококвалифицированных инженеров, программистов и специалистов различных отраслей, имевших не только профессиональное, но и фундаментальное академическое образование, обеспечили взлет израильской индустрии высоких технологий, дающей сегодня более 16% ВВП и около 51% экспорта страны²⁷. Этот фактор сохраняет свое значение и сегодня: по имеющимся данным, выходцы из бывшего СССР, при их 16–17-процентной доле в населении Израиля и примерно такой же доле на рынке труда, в целом составляют чуть менее четверти всех занятых в сфере высоких технологий²⁸. В результате «технологическая революция» конца 90-х и начала 2000-х годов, быстрый рост израильского ВВП и увеличение

в нем доли наукоемких производств однозначно связываются в сознании большинства израильтян с влиянием русскоязычной общины. Это, в свою очередь, стало важным фактором, позитивизирующим принадлежность к этой общине и легитимизирующим ее претензии на “справедливую” долю власти и общественных ресурсов в глазах многих “русских” израильтян.

Другими важными “русскими” символами, также, по мнению большинства израильтян, востребованными обществом, стали некоторые культурологические проекты общины. Среди них центральное место, как представляется, занимают русский театр “Гешер” и физико-математические школы “Мофет”. Первый был создан группой актеров-репатриантов во главе с известным московским режиссером Евгением Арье в начале 1990-х годов и уже спустя несколько лет стал лучшим театром страны. Одновременно театр перешел с преимущественно русскоязычного на двуязычный (русский и иврит) репертуар, а его труппа и актерская студия пополнились актерами из числа коренных израильтян. Подобную эволюцию претерпели и созданные учителями-репатриантами школы системы “Мофет” (аббревиатура означает также “Физика, математика, культура”), по качеству преподавания и уровню знаний учеников быстро обошедшие стандартные местные учреждения среднего образования. Будучи призваны заполнить пустующую в “постсоциалистической” израильской системе просвещения нишу элитного образования, школы системы “Мофет” оказались вскоре востребованы и обществом в целом²⁹.

Наконец, в атмосфере культурного плюрализма, установившегося в Израиле в 90-е годы прошлого века, своеобразное признание получили и праздники, первоначально отмечаемые в основном в среде выходцев из СССР/СНГ. Речь, в первую очередь, идет о двух популярных в Советском Союзе праздниках: Дне Победы (9 мая) и гражданском Новом годе (ночь с 31 декабря на 1 января). Первый, благодаря настойчивости и активности “русских” ветеранов Второй мировой войны и политиков, стал из локального общественного события официальным государственным праздником.

Празднование гражданского Нового года – единственного в СССР неидеологического праздника – в последние годы стало явлением массовой культуры не только “русских” (согласно опросу Девятого канала ТВ Израиля, его в том или ином виде отмечают более 80%

семей выходцев из бывшего СССР)³⁰, но и местных израильтян. В этом плане гражданский Новый год (в Израиле именуемый “Сильвестр”) существенно отличается от общинных праздников других еврейских субэтнических групп. Например, попытки придать общенациональный статус общинному празднику евреев-иммигрантов из Марокко “Мемуна”, несмотря на его политическую “востребованность”, пока не получили массовой общественной поддержки.

Другим важным измерением “русской” субкультуры стало возникновение широкой инфраструктуры “самопомощи” в сферах культуры, образования, профессиональной ориентации и социального обеспечения. Среди них – разного рода клубы, добровольные общества, образовательные учреждения (включая уникальную систему школ для одаренных детей “Мофет”), театральные коллективы, культурологические, ветеранские и молодежные союзы, а также профессиональные и творческие союзы учителей, инженеров, ученых, писателей, кинематографистов и т. д. Кроме того, существуют многочисленные газеты, электронные и интернет-СМИ, структуры социальной помощи и, разумеется, “русский” деловой сектор и созданные им общественные организации.

В этом секторе, включающем сотни продовольственных и книжных магазинов, “русские” рестораны и кафе, врачебные кабинеты и адвокатские конторы, строительные и консалтинговые фирмы, клубы, курсы, кружки и детские сады, рекламные и туристические фирмы и т. д., на разных этапах его развития было занято до 25% новых репатриантов³¹.

Показательно, что это явление не утратило своего значения и через 20 лет после начала “большой алии”, причем наиболее распространенным видом “иммигрантского” бизнеса остаются продуктовые и книжные магазины, парикмахерские, студии видеопроката и частные детсады. По данным Института иммиграции при колледже им. Рупина, примерно половину (46.7%) владельцев мелких предприятий составляют бывшие советские инженеры, а 70% из них нанимают на работу своих соотечественников. При этом 72% их клиентов также составляют новые репатрианты. Иврит на таких предприятиях используется только для “внешнего” общения³².

Этнодемографическая структура и идентичность

“Русская” субкультура, разумеется, не была гомогенной по происхождению и отнюдь не охватывала всего иммигрантского сообщества, существенная часть которого осталась вне ее рамок. Однако само наличие этого феномена способствовало осознанию репатриантами своего общественного веса и стремлению использовать свой потенциал не только (и даже не столько) внутри “русской общины”, но и предложить его обществу в целом. В свою очередь, определение отношения “русских” репатриантов к общинным структурам, идентификация с символами общины, ее ценностями и организационными формами во многом связаны с господствующими в этой среде моделями идентичности.

Развитие последних связано не только с поиском оптимальной модели интеграции русскоязычной алии в израильское общество, но и с процессами внутренней интеграции общины репатриантов из бывшего СССР. В первую очередь, речь идет о конвергенции двух этнокультурных групп в составе алии: собственно евреев и лиц нееврейского и смешанного происхождения.

Появлением этой последней и значительной по численности группы Израиль обязан действующей версии своего Закона о возвращении, принятого в 1950 г. (с поправками 1956 и 1970 гг.). ЗОВ гарантирует – при условии переезда на постоянное жительство в Израиль – немедленное гражданство евреям³³, а также потомкам евреев от смешанных браков во втором и третьем поколении, равно как и нееврейским супругам всех этих лиц. Учитывая экспонентный рост числа смешанных браков среди евреев СССР от поколения к поколению (в конце советской эпохи этот показатель у вступающих в брак был, соответственно, более 70% у евреев и более 80% у евреев-мужчин), не приходится удивляться, что массовая еврейская эмиграция из СССР и СНГ привела в Израиль немало лиц, не являющихся этническими или “галахическими” евреями. По данным правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы (Лишкат ха-кешер), доля галахических неевреев, прибывших в страну на основании Закона о возвращении, выросла с 12–20% в 1989–1992 гг. до 50–60% в 1998–2002 гг., причем, чем возрастная когорта была моложе, тем выше была доля неевреев³⁴.

В целом неевреи (преимущественно этнические славяне), иммигрировавшие в Израиль и получившие гражданство за последние полтора десятилетия, составляют, по имеющимся данным, от 270 до 300,000 человек, т. е. примерно треть общины репатриантов из СССР/СНГ 1989–2011 гг. Социодемографический вес этнических неевреев в алии выглядит даже большим, если учесть, что на практике русскоязычная община Израиля распадается на две примерно равные группы, одну из которых образуют члены этнически гомогенных (еврейских во всех поколениях) семей, а другую – лица, состоящие в этнически смешанных (еврейско-нееврейских) браках, и их потомки. Данные последних лет подтверждают, что эта структура имеет тенденцию к стабилизации. Так, согласно опросу, проведенному на сайте ama.zahav.ru, чуть менее половины респондентов еврейского происхождения (43.4%) состоят в браке с евреями или еврейками, столько же – в смешанных браках, а в 13.2% случаев оба супруга – нееврейси³⁵. Если исключить респондентов, живущих в диаспоре (где доля евреев, состоящих в смешанных браках выше, чем в Израиле), а также учесть тот факт, что за рамками интернет-опроса осталось немало евреев пожилого возраста, среди которых доля состоящих в смешанных браках невелика, реальная картина, видимо, будет близка к указанному нами соотношению смешанных и этнически гомогенных семей как 50:50.

Ответ на вопрос об идентичности как представителей “этнического ядра еврейской популяции”, так и лиц этнически смешанного происхождения неоднозначен. Имеющиеся исследования утверждают, что еврейскую идентичность обычно имеют более 80% этнических (галахических) евреев, около половины потомков смешанных браков в первом поколении и 20–25% представителей третьего поколения смешанных семей и нееврейских супругов представителей всех трех категорий³⁶.

В общем плане можно говорить о том, что община выходцев из бывшего СССР, с точки зрения идентичности, распадается на две примерно равные группы – “еврейскую” (лица моноэтнического и смешанного происхождения с “выраженной еврейско-израильской идентичностью”) и “нееврейскую” (неевреи и “очень ассимилированные” евреи с ослабленной еврейской идентичностью). Причем на границе между этими группами располагаются представители ряда переходных культурно-идентификационных типов,

включающих “умеренные фракции” как “еврейской”, так и “нееврейской” группы.

Разумеется, ни “еврейская”, ни “нееврейская” группы в алии из стран бывшего СНГ и Балтии не являются внутренне гомогенными. Если исходить из критерия еврейства как принадлежности к определенной этнической группе или “национальности” в том смысле, как это было в бывшем Советском Союзе, то группа из почти 700,000 представителей “большой алии” 90-х годов, записанных в качестве евреев центральным статистическим бюро Министерства внутренних дел, даст нам весьма пеструю картину. Там есть люди – вероятно, речь идет о десятках тысяч случаев – которые по своей этнической идентичности евреями не являются, ибо себя таковыми не считают. Другие же группы, составляя очевидное большинство, демонстрируют различные комбинации собственно еврейского, русско-еврейского и израильско-еврейского самосознания.

Столь же негомогенна и “нееврейская” группа в алии. По мнению израильского специалиста Ашера Коэна, исследовавшего проблемы адаптации (по его определению, “социального гиюра”) репатриантов из бывшего СССР – несеврев по Галахс – в израильской еврейской среде, спектр моделей национально-религиозной идентичности, а также социального поведения “русских” репатриантов смешанного происхождения довольно широк. Крайние звенья этого спектра – по оценкам Ашера Коэна, не более 5–7% каждое – занимают, с одной стороны, обладатели “радикально-изоляционистских” настроений, включая значительную группу носителей нееврейской религиозной идентичности, а с другой стороны – “радикальные интегрисы”, решившиеся формализовать свою принадлежность к израильскому еврейскому коллективу путем прохождения довольно сложного процесса гиюра (перехода в иудаизм)³⁷. Между этими полюсами находятся многочисленные категории галахических несеврев, носителей разных моделей смешанной (“переходной”) иноэтнической, еврейской и израильской идентичностей.

По нашим оценкам, примерно 300 тысяч неевреев-репатриантов, прибывших в Израиль как члены семей евреев в соответствии с Законом

о возвращении, разделяются на три неравные по численности группы³⁸. Первую, численностью 100–120,000 человек, образуют “социологические евреи” – как правило, те, кто является евреями по отцу или супругами евреев и кто, так или иначе, воспринимал себя как часть еврейского народа в СССР и часть еврейской общины в Израиле. В меньшей степени к этой категории примыкают некоторые этнические русские, украинцы и др., относящиеся к третьему и четвертому поколениям смешанных семей, идентифицирующих себя с Израилем. Позицию этой категории репатриантов-неевреев по Галахе, по словам инициатора “Движения смешанных семей” Людмилы Доли, определяет “не борьба за свои [сепаратные] права, а полноценная интеграция в израильском обществе”³⁹. Соответственно, как по идентичности израильской и квазиеврейской, так и по политической ориентации они не отличаются от большей части еврейской общины, в данном случае – от ее русскоязычной части. Они и голосуют так же, как русскоязычные евреи, и ведут себя похоже, по крайней мере, те из них, кто считает себя израильтянами.

Другая категория этнических неевреев, которые в своей идентичности демонстрируют тенденцию, обозначенную выше как “интеграция без аккультурации”, является примерно равной предыдущей по численности и показывает аналогичную с ней политическую ориентацию в отношении арабо-израильского конфликта. Эта группа, ощущая себя частью израильского общества, тем не менее не отказывается от своей русской (украинской, узбекской и т. д.) или смешанной (русской и еврейской, русской и израильской) идентичности. Характерное для начала 90-х гг. чувство некоторого психологического дискомфорта от факта своего этнического нееврейства, которое ощущали многие представители этой группы, по мере их устройства в стране постепенно слабело. Этот процесс сопровождался пониманием того, что возможна успешная социальная интеграция в израильское общество без перехода в иудаизм⁴⁰.

Наконец, к третьей категории ныне относятся примерно 60–90 тысяч лиц, не являющихся евреями ни в этническом, ни идентификационном смысле. Они обладают слабым израильским самосознанием и представляют собой скорее эмигрантов, чем репатриантов, проявляя тенденцию к этнокультурной изоляции (включая маргинальные пока

примеры ассимиляции представителей этой группы с нееврейской частью израильского общества, например, путем вступления в брак с христианами и мусульманами). Именно с маргинальными слоями этой третьей категории связаны нашумевшие факты радикального антисюнизма и многократно описанные в прессе случаи израильского “неарабского антисемитизма”. Тем не менее, по всем оценкам, лишь небольшая часть этой третьей, “славянской”, группы русскоязычных иммигрантов настроена агрессивно антисемитски или антиизраильски. Иными словами, речь идет о маргинальной группе, которая пока проявляет себя очень слабо⁴¹.

Важно отметить, что границы между основными этноидентификационными категориями выходцев из бывшего СССР и СНГ в Израиле не являются статичными и в последние два десятилетия неоднократно менялись. Так, опрос новых репатриантов, проведенный в мае 1999 г. Сабиной Лисицей и Йохананом Пересом, выявил, что две трети (63%) их респондентов, прибывших в страну в 1989–1992 гг., считают себя, прежде всего, “евреями” и/или “израильтянами”, и лишь 37% – в первую очередь “русскими”. И наоборот, уже две трети (62%) респондентов, представляющих иммиграцию из СНГ 1997–1999 гг., настаивают на своей “русской” идентичности⁴².

Исследования, проведенные в середине и конце следующего десятилетия, на первый взгляд, подтверждают данные Переса и Лисицы. Так, более трети респондентов, опрошенных в ходе исследования, проведенного в начале 2008 г. Сибил Хейлбро⁴³, являются носителями преимущественно или исключительно израильской идентичности, около 40% – еврейской, и чуть более четверти всех опрошенных – русской. Практически ту же долю носители данных типов идентичности составляют среди выходцев из бывшего СССР 1990–2005 гг., по данным упоминавшегося исследования, проведенного в 2006 г. Эли Лешемом по заказу “Масад Клита – Джойнт Израэль”⁴⁴.

При этом в исследовании Лешема этнические евреи⁴⁵ и лица нееврейского и смешанного происхождения проявили существенную разницу в декларациях своей идентичности: “евреев” среди первых оказалось более, чем вчетверо больше, чем среди вторых (52.9 против 12.8%); а, соответственно, “русских” среди “нееврейской” группы втрое

больше (45.7 против 16.4%), чем среди этнических (“галахических”) евреев. Все это, в принципе, вполне укладывается в существующие в израильской социологии представления об идентификационных процессах в иммигрантской среде.

Однако следующий факт явно выбивается из привычного ряда. Доля тех респондентов Эли Лешема, кто настаивал на своей, прежде всего, израильской идентичности (41.5%), среди лиц смешанного и нееврейского происхождения оказалась на четверть большей, чем среди этнических евреев (30.7%). Иными словами, русскоязычные нееврей-иммигранты чувствуют себя большими израильтянами, чем такие же еврей-репатрианты, что может быть весьма парадоксальным для тех, кто придерживается в отношении выходцев из СССР/СНГ традиционной “трехсоставной” (“еврей”–“израильтяне”–“русские”) оценочной парадигмы.

Таблица 1.

Этническое, национальное и гражданское самоопределение выходцев из бывшего СССР (евреев и лиц нееврейского и смешанного происхождения)

	“Еврей”	“Нееврей”
Чувствуют себя исключительно или в первую очередь:		
Израильтянами	30.7%	41.5%
Еврейями	52.9%	12.8%
Русскими	16.4%	45.7%
Чувствуют себя во вторую очередь:		
Израильтянами	19.9%	28.1%
Еврейями	13.1%	7.9%
Русскими	18.4%	17.7%
Без второй идентичности	48.6%	46.3%
Всего:	100%	100%

Этот факт, на наш взгляд, подтверждает высказанную в ходе наших предыдущих исследований гипотезу, что национально-гражданская израильская идентичность (по крайней мере в среде русскоязычных израильтян) далеко не всегда является альтернативой этнической – еврейской или русской – идентичности. Действительно, проведенный Лешемом расчет кумулятивного процента вариантов идентичности показал, что доля евреев и неевреев, декларировавших наличие у них израильского самосознания в “высокой” и “очень высокой степени”, оказалась практически равна (58.4 и 64%). В целом по выборке, израильтянами “в высокой” и “очень высокой” степени считали себя 62.1%, евреями – 68%, русскими – 32.2%.

Вынужденные тем не менее выбирать из имеющихся альтернативных вариантов, респонденты – “чистые евреи” – предпочитали еврейскую этническую идентичность общегражданской (“еврейство” в этом случае, как можно предположить, не только не противоречило “израильскости”, но во многом включало ее в себя; выбор же “русской” идентичности, судя по всему, означал скорее идентификацию с общиной выходцев из бывшего СССР, чем с русским этносом или российской нацией)⁴⁶. У респондентов смешанного и нееврейского происхождения процесс, похоже, был обратным: в ряде случаев русскую этническую идентичность заменила израильская гражданская (в ее национально-культурной ипостаси). Этот процесс был особенно заметен среди лиц с высокой степенью идентификации с Государством Израиль, а также у молодежи 18–24 лет, быстро теряющей не до конца укоренившиеся у нее в странах исхода этнокультурные ориентиры. Похоже, что именно эти люди составляют подавляющее большинство среди тех 9% опрошенных, которые в ходе упоминавшегося исследования Йоханана Переса и Сабины Лисицы определили себя, прежде всего, как “израильтяне”, а не “евреи” или “русские” (можно заметить, что эти 9% от общего числа репатриантов примерно соответствуют той вышеописанной трети нееврейской части алии, демонстрирующей сильную израильскую идентичность).

Остается предположить, что “этническое ядро” и этнически смешанные фракции “расширенной еврейской популяции” в СНГ и в “новой русско-еврейской диаспоре” за его пределами находятся в более сложной социокультурной интеракции, а этнокультурные и идентификационные

границы пролегают не между ними, а внутри этих сообществ. Так, одно из наших предыдущих исследований показало, что в рамках “расширенной еврейской популяции” (евреи и их родственники, подпадающие по действию израильского ЗОВ) в странах СНГ и Балтии существует как минимум четыре типа идентичности. А именно: “еврейско-универсалистская” (национальная); субэтническая (“русско”-, или “украино”- и т. д. еврейская); “дуальная” (лица, считающие себя и евреями, и представителями другой национальности); собственно нееврейская (носители которой при этом осознают свою связь с еврейским сообществом, в частности, в силу самой возможности приехать в Израиль по Закону о возвращении)⁴⁷.

Эти же типы имеют свою проекцию на модели идентичности и, соответственно, интеграции русскоязычных репатриантов в Израиле. Выделенные нами и подтверждаемые другими исследованиями идентификационные группы – это “евреи-израильтяне” (или “израильские евреи русского происхождения”), “русские евреи”, “израильские русские”, “просто русские” или представители другой национальности, волею судеб живущие в Израиле⁴⁸. Проведенный по разработанной нами анкете институтом “Мутагим” в марте 2009 г. опрос позволил детализировать эту картину в привычных для выходцев из бывшего СССР этнонациональных категориях: 53.3% респондентов заявили о своей общееврейской (или “израильско-еврейской”) идентичности, 36.6% оказались носителями субэтнической или дуальной идентичности (“русский еврей” или “русский и еврей одновременно”), и, наконец, 10.1% по-прежнему считали себя неевреями: этническими русскими или представителями другой национальности – либо вообще затруднились определить свою этническую принадлежность. Этим четырем идентификационным группам, согласно нашим данным, соответствуют и четыре основные модели интеграции: от радикальной аккультурации в израильской еврейской среде и “интеграции без аккультурации” до умеренной или радикальной изоляции от местного общества – что вполне сказывается на их поведении в сфере культуры, экономики и политических отношений⁴⁹.

Критериями для выделения этих моделей могут служить “параметры интеграции” (indicators of integration), в свое время предложенные Ларисой Ременник в ее анализе образованности иммигрантов первого

поколения. По ее мнению, эти параметры включают прогрессирующее владение языком принимающего общества и постепенное формирование билингвизма; трудоустройство по специальностям, требующим профессиональной квалификации, в “неиммигрантских” секторах экономики; диверсификацию социальных сетей с включением в среду повседневного общения представителей коренного населения; переход от потребления культурного и медиапродукта на родном языке к потреблению этого продукта на языке местного общества⁵⁰.

Принимая во внимание эти критерии, можно сделать вывод, что интеграционистская модель характерна для репатриантов, имеющих сильное еврейское и израильское самосознание, и предполагает почти полное их “растворение” в местной еврейско-израильской среде. Помимо значительной части репатриантов – этнических евреев – к этой категории примыкает и некоторое (сравнительно небольшое) число неевреев, прибывших в страну в соответствии с Законом о возвращении. Противоположная, “отграничительная”, тенденция в большей степени заметна среди части нееврейских иммигрантов из СНГ и “глубоко ассимилированных” евреев-членов смешанных семей. Для сознания многих представителей этой группы характерна консервация культурных ценностей страны исхода, часто основанная на сознании превосходства над местной “провинциальной” культурой и, соответственно, на весьма слабом желании интегрироваться в местное общество⁵¹. Радикальным вариантом этой тенденции является модель практически полной изоляции от местного общества и его культуры, при которой институты “русской” общины становятся организационными рамками “русского культурного гетто” не только в настоящем, но и в будущем.

Наконец, промежуточная модель, доминирующая в русскоязычной общине, обычно обозначается как “интеграция без аккультурации”⁵². Эта категория “русских” искренне стремится приобщиться к новой для себя культуре и стать израильянами, стараясь при этом сохранить культурные и языковые ценности и символы, привезенные с собой и считающиеся неотъемлемой частью идентификации⁵³. Позицию этой группы довольно точно выразил один из авторов газеты “Наш Иерусалим”. “Стали ли мы израильянами? – спрашивает автор. – Да и нет. Мы не слились с тем

народом, который жил в Израиле до нашего приезда. Скорее, алия начала 90-х образовала свой этнически-культурный слой, наложившийся на все предыдущие слои израильского общества. И поскольку страна маленькая, не только она изменила нас, но и мы ее. [И потому] мы отличаемся и от тех, кто приезжает сейчас: интонацией, мимикой, манерой одеваться, но особенно – на ментальном уровне”⁵⁴.

Соответственно, как уже отмечалось, для представителей этого течения характерно рассматривать этнокультурную общность “русских” репатриантов как неотъемлемую часть местного общества и как легитимное проявление местного культурного и политического плюрализма. Эта доминирующая в среде “русских” израильтян тенденция стала (и может остаться в будущем) основой для спорадического возникновения “секторальных” институтов, призванных очертить рамки для такой модели интеграции в израильское общество. Это обстоятельство заставляет рассматривать формальные и неформальные организации “русской” общины, с одной стороны, в качестве самоценных структур, а с другой – рассчитывать на их “израилизацию” уже в среднесрочной перспективе.

Данная картина стала итогом существенной трансформации гражданского самосознания и этнокультурной идентичности репатриантов из СССР и СНГ за последние два десятилетия. В 90-е гг. общинные фракции, представляющие основные тенденции – “ассимиляцию” (полное растворение в израильской еврейской социально-культурной среде), “интеграцию без аккультурации” (включение в израильскую среду и принятие ценностей местного общества с сохранением русско-еврейской идентичности) и “изоляцию” (формирование “русских” культурных островков на периферии местного общества) – соотносились, по нашим оценкам, примерно как 30:50:20%⁵⁵. Все три идентификационные модели тогда были представлены различными общинными институтами, примером которых являлись действовавшие в Иерусалиме Культурный центр советского еврейства, Библиотека Сионистского форума и Санкт-Петербургское землячество⁵⁶, а на политическом уровне – партии НДИ, ИБА и Демвыбор соответственно⁵⁷.

Но уже через несколько лет выяснилось, что за прошедшее с начала “большой алии” пятнадцатилетие границы между “ассимиляционистами”,

“интегритами” и “изоляционистами” существенно сместились, а соотношение составило 50:33:12⁵⁸, что практически полностью совпадает с долей носителей соответствующих этим моделям типов идентичности: “израильско-еврейской”, субэтнической/дуальной и нееврейской – в вышеупомянутом мартовском опросе “Мутагим” 2009 г.

Таблица 2.

Структура этнонациональной идентичности выходцев из бывшего СССР в Израиле

Израильско-еврейская идентичность	Еврей	53.5%	53.5%
Субэтническая либо дуальная идентичность	Русский еврей	28.6%	36.4%
	Русский и еврей одновременно	7.8%	
Неевреи	Русский / представитель другой национальности	6.7%	10.1%
	Другое	2.3%	
	Не знаю	1.1%	

Более того, налицо также вполне ощутимый процесс переосмысления репатриантами из СССР/СНГ прежних культурно-идентификационных представлений под влиянием принятых в Израиле норм и стандартов. Примером может служить отношение русскоязычных израильтян к религии и ее роли в культурно-идентификационном облике страны, которое явно адаптировалось к реалиям “еврейского демократического государства” и существующим в нем нормам светско-религиозного статус-кво. Исследования показали, что характерная для поздней советской эпохи классическая оппозиция “атеистов” и “верующих” с оттеснением религиозного фактора на периферию этнонационального самоопределения прошла в Израиле серьезную трансформацию.

Структура религиозно-культурного самосознания репатриантов, судя по всему, стабилизировалась на рубеже последних лет прошлого и первых лет нынешнего веков, и с тех пор многочисленные опросы показывают сходную картину. Примерно 5–7% выходцев из бывшего СССР определяют себя как “последовательно религиозные”, из которых примерно треть – это ультраортодоксы (“харедим”), а две трети – религиозные сионисты (т. н. “вязаные кипы”). Еще примерно четверть – это “традиционалисты” (т. н. “масортим”) – лица, сочетающие светский в основном образ жизни с разной степенью соблюдения религиозных заповедей. И только 10–12% считают себя “последовательными (антирелигиозными) атеистами”.

Большинство же “русских” израильтян – примерно 50–60% – относят себя к наиболее массовой и среди коренных израильтян категории “хило-ним”, т. е. светским гражданам, не имеющим ничего против религии как таковой, с уважением относящимся к религиозным людям и их обычаям, признающим общественный статус большинства религиозных учреждений и даже время от времени участвующим в отправлении религиозных (или национально-культурных, по происхождению тоже “религиозных”) обрядов жизненного цикла.

Особенно динамично процессы такого рода происходят в молодежной среде, причем очевидно, что общество и его институты (школа, армия и т. д.) играют в религиозно-культурной социализации молодых репатриантов в принятых в Израиле понятиях и терминах намного более существенную роль, чем семья. Один из таких фактов зафиксировало проведенное институтом Брукдейл по заказу Министерства абсорбции Израиля исследование идентичности и социального самочувствия шести групп репатриантской молодежи. По их данным, доля молодых выходцев из бывшего СССР, заявивших, что они лично в той или иной мере соблюдают еврейскую традицию, была впятеро больше доли тех, кто указал, что эту традицию соблюдают их семьи (соответственно 54 и 11%). При этом 67% отметили, что в их семьях отмечают еврейские праздники⁵⁹.

Попутно заметим наличие аналогичного явления и на постсоветском пространстве, где начали сказываться первые результаты деятельности созданной там в последние два десятилетия разветвленной сети еврейских общинно-образовательных учреждений. В ходе исследования Гиттельмана,

Червякова и Шапиро в России и Украине в 1997 г. выяснилось, что если у старшей возрастной группы “позитивные еврейские эмоции” связаны с атмосферой семейного воспитания, то для молодежи семья все реже оказывается сколько-нибудь значимым фактором формирования еврейского самосознания. Не случайно, что исследователям удалось идентифицировать немалую группу респондентов, чья национальная самоидентификация не является унаследованной (эти люди объявили себя евреями, несмотря на то что оба их родителя не относили себя к таковым)⁶⁰.

Как можно заметить, доминирующей тенденцией в русскоязычной общине остается вера в возможность воспринять культуру израильского общества и одновременно сохранить действенную связь с культурой страны исхода⁶¹. Как следствие, ведущим типом идентичности в общине сегодня является “израильская русско-еврейская” (с акцентом на первое слово) идентификационная модель, существование которой – к лучшему или к худшему – вполне легитимизировано в современном постмодернистском, мультикультуральном и многосоставном израильском обществе.

---

¹ Здесь и далее (если не указано другое) – данные Центрального статистического бюро и Министерства абсорбции Израиля.

² Khanin V. The Jewish Right of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union / Exile and Return: Predicaments of Palestinian Arabs and Jews / Ed. by I. Lustick, A. Lesch. Philadelphia, 2005. P. 183–203.

³ См.: Khanin V., Chernin V. Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union. Ramat-Gan, 2007.

⁴ Markowitz F. Community Without Organization // City and Society. 1992. Vol. 6. № 2. P. 141–155.

⁵ Leshem E., Lissak M. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel / Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective / Ed. by S. Weil. Jerusalem, 1999. P. 139.

⁶ Kagansky M. Paper presented at the 2nd International Conference on Personal Absorption Jewish Immigrants (Repatriates) from the Former USSR. Herzeliya, 1999.

⁷ Фельдман Э. “Русский” Израиль: между двух полюсов. Москва, 2003. С. 178.

⁸ Зильберг Н. Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиск новых моделей интеграции / Миграционные процессы и их влияние на израильское общество / Под ред. А. Д. Эпштейна и А. В. Федорченко. Москва, 2000. С. 200.

⁹ Амит Х. Русский роман: выходцы из бывшего СССР покупают больше книг и газет и не жалеют средств на образование детей и популярные торговые брэнды, но делают это все по-русски // *The Marker*. 4 мая 2009 г (на иврите).

¹⁰ См., например: Фельдман Э. “Русский” Израиль: между двух полюсов. С. 125–155, 351–415; Ben-Rafael E., Lyubankys M., Glöckner O., Harris P., Israel Y., Jasper W., Schoeps J. *Building a Diaspora: Russian Jews in Israel, Germany and the USA*. Leiden–Boston, 2006. P. 55–78, 119–139; Leshem E. *The Russian Aliya in Israel: Community and Identity in the Second Decade / Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience / Ed. by Z. Gitelman, Y. Ro'i Lanham, 2007. P. 333–360; и Fialkova L., Yelenevckaya M. Immigrants in the City: From Exploration to Domestication // Israel Affairs. Vol. 17. № 1 (January 2011). P. 142–163.*

¹¹ Khanin V. *Aliyah from the Former Soviet Union: Contribution to the National Security Balance / Position paper, presented on the behalf of the Israeli Ministry of Immigrant Absorption to the 10th Annual Herzliya Conference “Israel’s National Security Balance”, IDC Herzliya, 31 January – 3 February 2010. P. 12–14.*

¹² Выбор местожительства в Израиле репатриантами из бывшего СССР // *ASK Study for the Israeli Center of Local Governments*. Август 2008 г. (на иврите).

¹³ “The government policy of direct absorption of new immigrants was adopted at the end of the 1980s. This policy sent immigrants to reside in established Israeli communities rather than separate absorption centers, and supported with an institutional service framework and a “basket” of benefits. A pilot version of this policy was first implemented in 1987 in relation of a group of a few hundreds of Jewish immigrants from the Republic of South Africa”. См.: Хакохен Д. Система прямой абсорбции и ее следствия: социально-культурная интеграция иммигрантов из СНГ в начале 90-х гг. Иерусалим, 1994. (на иврите); и Damian N., Rosenbaum-Tamari Y. *Longitude Surveys of the Absorption of FSU Immigrants in the Direct Absorption Track*. Jerusalem, 2006. (на иврите).

¹⁴ В ходе исследования были опрошены 1,000 репатриантов, разделенных на две группы – в возрасте 18–30 лет и старше 30 лет. См.: Лешем Э. Репатрианты из бывшего СССР 1990–2005 годов в Израиле: многофакторный анализ. Социологический отчет. Иерусалим, 2008 (на иврите).

¹⁵ “Мутагим”. Опрос 4 ноября 2010 года.

¹⁶ Элиас Н., Зельцер-Шорер М. Интернет без границ: секторальная пресса выходцев из СНГ в Израиле / *Пресса дот. ком – секторальная пресса в Израиле / Под. ред. Т. Шврац-Альтшулер*. Иерусалим, 2007. С. 147–167 (на иврите).

¹⁷ Гендельман Д. Сколько стоит русский Интернет в Израиле? // *Курсор-Инфо*. 23 февраля 2006 г.

¹⁸ Низник М. Особенности культурной интеграции выходцев из СССР/СНГ в Израиле // *Дiasпоры*. 2003. № 1. С. 49–60.

¹⁹ Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном

израильском обществе / Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. Иерусалим, 2002. С. 15–47; Glinert L. Inside the Language Planner's Head: Tactical Responses to New Immigrants // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1995. Vol. 16. Issue 5. P. 351–371.

²⁰ Niznik M. Russian Language in Israel – Is it Half Alive or Half Dead? / Paper, presented to the “National Challenge – the Third Ashdod Conference on Aliya and Absorption”. Ashdod, January 2010. P. 6.

²¹ Цит. по: “Израиль Плюс”: русскоязычных зрителей привлекает Сталин // *Izrus*, 20.08.2009.

²² “Мутагим”. Опрос 4 ноября 2010 года.

²³ Доница-Шмидт С. Сохранение языка или его развитие? Русский язык в среде репатриантов из стран СНГ // *Эхо нового ульпана (Эд хаульпан ха хадаш)*. № 85. 2007. С. 57–64 (на иврите). См. также: Olshtain E., Kotik B. The Development of Bilingualism in an Immigrant Community / *Language, Identity and Immigration* / Ed. by E. Olshtain, G. Horenczyk. Jerusalem, 2000. P. 201–217.

²⁴ Катаев В. Глава Comedy Israel: русский язык в Израиле – консервант 20-летней давности // *Izrus*. 22/10/2009.

²⁵ Фельдман Э. “Русский” Израиль: между двух полюсов. С. 169–174.

²⁶ См. Al-Haj M. Soviet Immigrants as Viewed by Jews and Arabs: Divided Attitudes in Divided Country / *Immigration to Israel: Sociological Prospective* / Ed. by E. Leshem, J. Shuvai. New Brunswick–London, 1998. С. 211–228; Шварцворд Дж., Тур Каспа М. Латентная угроза и социальное превосходство как основной фактор негативных стереотипов в отношении репатриантов из России и Эфиопии в Израиле // *Магамот*. Декабрь 1997. № 4. С. 504–527 (на иврите).

²⁷ Детальный анализ этого феномена содержится в нашем исследовании: Khanin V. Aliyah from the Former Soviet Union: Contribution to the National Security Balance.

²⁸ Development of the Hi-Tech Sector in Israel in the Years 1995–2007 // *Israeli Central Bureau of Statistics*. Publication № 1389. 16.12.2010.

²⁹ Epstein A. D., Kheimets N. G. Cultural Clash and Educational Diversity: Immigrant Teachers' Efforts to Rescue the Education of Immigrants' Children in Israel // *International Journal of Sociology of Education*. 2000. Vol. 10. № 2.

³⁰ “Мутагим”. Опрос 4 ноября 2010 года.

³¹ Remennick L. Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990s in Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 28. № 3 (July 2002). P. 515–530; Cohen-Goldner S., Paserman M. D. The Dynamic Impact of Immigration on Natives' Labor Market Outcomes: Evidence from Israel. London, 2005.

³² Цит. по: *Cursorinfo.co.il*, 10.05.2007.

³³ При определении еврейства израильский закон исходит из нормы традиционного еврейского права (Галахи), в соответствии с которой евреем считается человек, рожденный

матерью-еврейкой либо перешедший в иудаизм (что, по еврейской традиции, означает присоединение к еврейскому коллективу как в религиозном, так и в этническом смысле) по ортодоксальной модели.

³⁴ Цит. по: Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре // № 20–21 (2002). С. 98 (на иврите).

³⁵ Ольшанская М. Гиюр... Как много в этом слове? // Mama-info. 7 October 2008.

³⁶ См. например: Лешем Э. Исследовательский отчет проекта “Еврейская идентификация” в странах СНГ. Иерусалим, 2002. (на иврите); Khanin V. Report of the study “Impact of Jewish Youth Camp Activities on the Jewish Identity and Communal Affiliation of Jewish Youth in the Former Soviet Union”, Jerusalem–Ramat-Gan, 2004; Khanin V., Niznik M. Strengthening the Jewish Identity through Informal Education: Analyzing JAFI Youth Camps Experience / Constructing the National Identity: Jewish Education in Russia Twenty Years after the End of the Cold War / Ed. by V. Khanin, A. Epstein, V. Chernin. Jerusalem–Ramat-Gan, 2008. P. 193–210; Рывкина Р. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. Москва, 2005. С. 65, 69–70.

³⁷ Коэн А. Израильская ассимиляция: абсорбция неевреев в израильском обществе и ее влияние на коллективное сознание. Ramat-Gan, 2002, 2004 (на иврите).

³⁸ См.: Ханин В. Социальная и политическая институционализация олим-неевреев в Израиле. Аналитический доклад. Ramat-Gan, 2002. (на иврите). Близкие категории идентифицировала в своем исследовании русскоязычных респатриантов-неевреев группа исследователей из Тель-Авивского Университета. См.: Ben-Rafael E., Israel Y., Konigstein M. The Experience of Non-Jewish “Russian” Immigrants in Israel. Addendum to: Building a Diaspora: Russian Jews in Israel, Germany and the USA. P. 315–334.

³⁹ Шрайман Ш. Русский выбор // Вести. 09.08.2001.

⁴⁰ См.: Кенигштейн М. Чужие среди своих? Иммигранты-неевреи в Израиле / “Русское” лицо Израиля: черты социального портрета / Под ред. М. Кенигштейна. Иерусалим–Москва, 2007. С. 218–250.

⁴¹ Исследователи и общественные деятели тем не менее обоснованно отмечают, что если проблема десятков тысяч таких людей не будет решена в ближайшие годы, то в следующем поколении она обострится, когда появится социологически очень значимая группа населения, особенно молодежи, отслужившей в армии, прекрасно говорящей на иврите и являющейся с точки зрения обычных израильтян такими же израильтянами, как все. См.: Биренбойм Э., Ханин З., Дашевская И., Неэман Ш., Чернин В. Войти в еврейский коллектив. Еврейское образование и оптимальные модели гиюра для потенциальных иммигрантов в Израиль смешанного происхождения / Аналитический доклад, представленный Верховному Раввинату Израиля. Иерусалим, 2005 (на иврите).

⁴² Лисица С., Перес Й. Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны / Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. С. 255–258.

- ⁴³ Хейлбро С. Идентичность иммигрантов: между определением большинства и самоопределением (исследовательский отчет) / Академический центр “Руппин”, Институт массовой миграции, июнь 2008. С. 10 (на иврите).
- ⁴⁴ Лешем Э. Репатрианты из бывшего СССР 1990–2005 годов в Израиле: многофакторный анализ. С. 54–71.
- ⁴⁵ К этой категории автор отчета отнес тех респондентов, которые в МВД Израйля были зарегистрированы в качестве галахических евреев и/или до репатриации имели запись “еврей” во внутреннем советском документе, удостоверяющем личность.
- ⁴⁶ К близкому выводу пришла в своем исследовании Стеффани Хоффман, по мнению которой “A significant number experience some feeling of alienation in Israel and see their ‘Russianness’ as an element in their communal consciousness and solidarity”. See Hoffman S. *Russia’s Diasporas: The Case of the Russian-speaking Community in Israel*. Jerusalem, 2004. P. 14.
- ⁴⁷ Khanin V. *Between Eurasia and Europe: Jewish Community and Identities in Contemporary Russia and Ukraine / A Road to Nowhere?: Jewish Experiences in the Unifying Europe* / Ed. by E. Ben-Rafael, Y. Gorny, J. H. Schoeps. Leiden, 2011. P. 63–89.
- ⁴⁸ Khanin V., Chernin V. *Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union*. Ramat-Gan, 2007.
- ⁴⁹ Khanin V., Chernin V. *Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union*. P. 99–101. См. также: Зильберг Н., Лешем Э. Воображаемая и реальная община: русскоязычная пресса и воссоздание общинной жизни репатриантов из СНГ в Израиле // *Хевра ве-реваха*. 1997. № 1. С. 9–37 (на иврите); Lissak M., Leshem E. *The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration* // *Israel Affairs*. 1995. Vol. 2. № 2 P. 20–36.
- ⁵⁰ Remennik L. *What Does Integration Mean? Social Insertion of Russian Immigrants in Israel* // *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 1. № 4. P. 23–49.
- ⁵¹ Руттенберг В. О самоопределении евреев из бывшего Советского Союза, живущих в Израиле // *Йехудей брит ха-моэцот ба-маавар*. 2000. № 4 (19). С. 213–220 (на иврите).
- ⁵² Horowitz T. *Integration Without Acculturation* // *Soviet Jewish Affairs*. 1982. № 12 (3). P. 19–33; и Horowitz T. *The Absorption of the Soviet Jews in Israel 1968–84: Integration without Acculturation / Between Two Worlds* / Ed. by T. Horowitz. Lanham, 1986. P. 9–30.
- ⁵³ См.: Ben-Rafael E., Olshtain E., Gejist I. *Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel / Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement* / Ed. by P. Ritterband, N. Levin-Epstein and Y. Ro’i. London, 1997. P. 364–388.
- ⁵⁴ Цитрис М. *Середина дороги* // *Наш Иерусалим*. 1.08.2001. С. 12.
- ⁵⁵ См.: Khanin V. *The Jewish Right of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union*. P. 183–203.
- ⁵⁶ Зильберг Н. *Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиск новых моделей интеграции*. С. 207–227.

⁵⁷ Khanin V. The New Russian Jewish Diaspora and "Russian" Party Politics in Israel // *Nationalism & Ethnic Politics*. Boulder. Vol. 8. № 4 (December 2002). P. 54–81.

⁵⁸ См.: Ханин В., Эпштейн А. Культурная преемственность, модернизация и иммиграция: русско-еврейская идентичность в Израиле и диаспоре / Современное общество – израильская модель. Сборник статей в честь проф. Моше Лиссака / Под ред. Э. Яара, Э. Бен-Рафаэля, А. Баррели, У. Козна. Тель-Авив – Иерусалим – Беэр-Шева, 2006. С. 505–520 (на иврите).

⁵⁹ Каган-Стравчински П., Леви Д., Константинов В. Молодые репатрианты в Израиле: современная ситуация (Бней ха-ноар олим ба-исраэль: тмунат мацав адканит). Иерусалим, 2010. С. 11 (на иврите).

⁶⁰ Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования 1997–1998 гг. // *Диаспоры*. Москва, 2000. № 4. С. 74.

⁶¹ Согласно данным опроса ИСПИ (15.05.2006), в возможность такого сочетания верили 68.8% респондентов (11.6% не верили и 19.6% не высказали определенного суждения).

Abstract

The breakdown of the Soviet Union and subsequent mass Jewish emigration from the USSR and its successor states has turned Israel into the largest center of Russian-speaking Jewry in the world. Since 1989, Israel, now a country of over 7,500,000 people, has taken in more than one million former Soviet Jews and their family members. Immigrants from the former Soviet Union are the second largest group, after native Israelis, of the Israeli Jewish population. This community demonstrates a sophisticated system of internal social, political, cultural, and identity divisions and cleavages, some of which were "imported" from the countries of origin and the diversity others adopted locally. This also included models of the immigrants' integration into Israeli society – "assimilation," isolation, and "integration without acculturation", which had a certain correlation with their basic ethnic national identity models, which we managed to identify in the course of our research: "universal Jewish"; (sub-) ethnic Jewish; "post-modern", or double identity Jewish; and non-Jewish.

However, the community-integrative trends were also obvious, and resulted in creation of the community's framework, formed by leadership groups, numerous in-service institutions and structures, as well as extensive network of

intra-communal formal and informal relations. All that also promoted a more autonomous view of many Russian speakers in regard to social and political issues and thus supported the relevant elements of the communal political infrastructure. Against this background, there was a transformation and development of ethnic, national, social religious and civic identity of FSU immigrants in Israel.

Israeli sociologists in the course of resent two decades have made numerous more or less successful efforts to understand, explain, and model these trends. Special attention has been paid to two ethnic culture subgroups among “Russian” Israelis – “pure” Jews and persons of non-Jewish and mixed origin. The borderlines between these groups, as numerous studies showed, experienced considerable shift since the start of the “big Aliyah” from the FSU. A general conclusion was that by the end of the 1990s, the FSU immigrant society between those who identified themselves as “Israelis”, “Jews” and “Russians” in the proportion 30-35, 40-45; and about 25 percent respectively. And almost the same identity structure had place also a decade later.

More careful analyses show, however, that despite the popular view, Russian, Jewish or Israeli identities are not necessarily mutually exclusive, as far as Russian-speaking immigrants in Israel are concerned. We believe, that while Jewishness and Russianness mean ethnic identification of the predominant parts of the “pure Jewish” and “mixed” FSU immigrant groups, respectively, Israeli identity means civic identification of both groups with the state more than anything else.

Our conclusion is that the desire of FSU immigrants to appropriate Israeli culture while at the same time maintaining their own culture; a belief in the possibility of integration into the host society culture while simultaneously preserving the culture of the country and community of origin is still a dominant trend among Russian-speaking Israelis.